

«ГУЛ затих. Я вышел за подмостки...».

Владимир Заманский читал в Ленинградском концертном зале стихи Пастернака... Но встретились мы с ним в тот вечер, впрочем, по иному поводу. На экранах — фильм Алексея Германа «Проверка на дорогах», где Заманский играет бывшего сержанта Лазарева, одну из главных ролей. «Проверка на дорогах» ждала своего часа пятнадцать лет. Рецензенты картины единодушны: она выдержала испытание временем, что неопровержимо свидетельствует — полтора десятилетия мы были лишены не просто фильма, но произведения искусства.

Пишу «мы» — от имени зрителей, ощущающих эту потерю как свою собственную. А что чувствовал режиссер Герман, когда его первый самостоятельный фильм (до него был снят совместно с Григорием Ароновым «Седьмой спутник») лег, как говорят кинематографисты, на полку? А каково было группе актеров студии?

Но прежде чем — увы! — всему этому случиться, фильм надо было сделать. И я прошу Заманского вспомнить, как шла работа.

— Есть такие чрезвычайно редкие моменты, когда все сходится... Собралась группа людей, которые находились в замечательной поре своей жизни, были полны надежд и сил. И была настоящим творчеством эта работа, непрерывающаяся работа: съемки, и после них допоздна обсуждение сделанного, и планы на следующий день... И все как-то понимали и чувствовали, что это может никогда не повториться... Тема была взята очень хорошая и серьезная — о доверии... И Герман был тогда на взлете: он начинал. Начиная, и еще только вступал на путь поисков, которые привели к картине «Мой друг Иван Лапшин»...

«Проверка на дорогах» внешне очень проста: классический способ разрешения ситуаций, манера актерской игры, операторская работа... А простые формы — они на все времена. Сам Герман определял этот фильм как «детские набои». В последние годы, к сожалению, появилось очень много поверхностных картин, где война показана как при-

ключения группы разведчиков. Рядом с «Проверкой...» особенно видна их несостоятельность.

Тогда, конечно, мы не говорили красивых слов. Но все действительно сошлось — время, идея, работа... Помню, что на талант актеров Ролана Быкова, Анатолия Солоницына, Олега Борисова, Федора Одинокова, Майи Булгаковой и

ли не мучаю человека...

Что тут скажешь? Алексей Герман, считающий, что кино как вид искусства ближе всего стоит к поэзии, постоянно вспоминающий любимые строки, как-то процитировал: «Умейте домолчаться до стчхов...». Молчание Заманского —

век, не считающий себя шепкой в море, не имеет права допустить третью...».

Заманский рассказывает:

— Несколько лет назад я увидел дипломную работу Сокурова — фильм «Одинокий голос человека» по рассказам Андрея Платонова. И что-то зацепило. Там были места, испол-

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ФИЛЬМУ

Доверие

других. Помню, что на личность режиссера с его культурой, интуицией, с его свойством все видеть, слышать, замечать и по крупницам отбирать в свой фильм. С его способностью видеть картину как бы с высоты, что особенно трудно в фильме, где надо было договориться до конца. С его умением добиться того, что ему нужно. В этом смысле Герман — режиссер беспощадный, и работать было нелегко...

Что касается меня... меня Герман этой картинкой окунул в мир трагедии...

Заманский умолкает. Молчу вместе с ним. А думаю вот о чем: Быков играет в «Проверке на дорогах» Локоткова, и эту его роль критики называют лучшей работой актера в кино вообще. То же пишут и о Лазареве Заманского. Но если сыгранное Быковым здесь все же сравнимо со сделанным в «Мертвом сезоне», в ленте «Служили два товарища», то в творчестве Владимира Заманского, приглашаемого режиссерами охотно и снимающегося довольно часто, Лазарев едва ли с чем-то сопоставим. Кто знает, выйдя «Проверка...» в начале 70-х, какие еще трагические роли довелось бы сыграть этому замечательному артисту? Сам Владимир Заманский никого, разумеется, и не винит. Я спрашивала, жалел ли он о несостоявшемся. Ответом были слова о том, что большая роль как бы открывается шлюзы, но может ли сам артист потом соответствовать... И такая улыбка, после которой я поняла, что едва

того же свойства: случись опять момент, когда все сойдется — тема, драматургия, постановщик, — будут и «стихи». Он человек взыскующий, истинный, ему есть о чем говорить (не последнее дело тут и его собственная фронтовая биография, пусть и не очень продолжительная)...

Но возможность высказаться актеру может дать только режиссер.

В 1983 году Заманский получил предложение ленинградского режиссера Александра Сокурова сняться в фильме «Седьмая степень самосозерцания». Пьеса Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца» стала основой для сценария Юрия Арабова. (Арабов так говорил о замысле: «Время действия — война, которая потом будет названа первой мировой. Место действия — дом старого капитана Шотовера — как новов ковчег, где люди, пытаясь переждать беду, сознательно отгородились от внешнего мира, ушли в выяснение сугубо личных отношений. Их жизнь терпит полный крах, потому что нельзя жить, замыкаясь на самом себе. Не получится быть в стороне от общечеловеческих проблем, потому что летят авиастаты, автоматы стреляют и кто-то кричит: «Газы!». И этот аэроплан может зависнуть над твоим домом. Мы знаем, что за первой мировой войной последовала вторая. И что чело-

венные вот именно поэзии, — когда значение происходящего, как в настоящем стихотворении, имеет несколько смыслов. Сокуров-режиссер мыслит во многом непривычно, ново, его язык не сразу доступен — требуется зоркий глаз, требуется известное усилие, чтобы понять его мелодию. Такого уж свойства всего истинного в искусстве, не идущего проторенными путями. Но он настоящий режиссер, ибо обладает собственным, неповторимым взглядом и умеет этот взгляд выразить в своих произведениях, и потому они не похожи ни на чьи другие.

Сокуров парадоксален. С одной стороны, художник, выстраивающий на экране весьма сложный ассоциативный ряд, с другой — режиссер, который ставит необычайно простые задачи перед, скажем, актерами. Он один видит здание, которое строит. Это требует огромного доверия всей группы. И ему доверяли. Все, кто был рядом с Сокуровым на площадке, чувствовали, что делают нужное и важное дело.

Его творческие возможности необычайно велики, он рождает интереснейшие замыслы один за другим. Но, кроме неуверенно бьющейся мысли, в нем есть еще удивительная способность привлечь сердца. И когда речь идет о работе, о творческом акте, эта его способность просто поразительна... Знаете, есть люди, общавшись с которыми можно не договаривать фразу — они сразу чувствуют зерно твоей мысли, с ними легко определить задачу и решить ее... Я мог бы взять на себя смелость сказать: Сокуров — мой режиссер. А я — его актер...

Монолог Заманского звучит грустно, и я знаю, почему. Дело в том, что картина Александра Сокурова не по его вине все еще не закончена.

Два с половиной года среди кинематографистов идут разговоры, что пора снять с полки его документальные ленты и дать ему возможность завершить художественный фильм.

Что сказать в заключение? Я не сравниваю двух разных художников, тем более что «Проверка на дорогах» — есть и она говорит сама за себя. В пользу же Сокурова — только безусловная современность темы, только та атмосфера творчества, которая сопутствовала работе и без которой невозможно создать что-либо настоящее. Да еще свидетельства тех людей, которые видели его картины. Много это или мало?

Время идет, и всему найдется должная оценка. Но давайте не о фильмах — о людях. Вспомним, как ни горько, Анатолия Солоницына и еще пятерых человек, которые работали на «Проверку...» и не дожили до премьеры. Подумаем: Герман пока что сделал всего три самостоятельных фильма, каждый из которых с колоссальным трудом выходил к зрителю и каждый из которых становился событием в искусстве. Кто скажет, как сложилась бы его творческая судьба, завершившись пятнадцать лет назад «Операция „С новым годом!“» (таким было название фильма)? Иначе? Кто знает, что случится на веку режиссеров, которые начинают сейчас?

А пока... пока я не знаю, какие стихи любит Александр Николаевич Сокуров. Может быть, те, что кончаются строкою: «Жизнь прожить — не поле перейти»?

О. ШЕРВУД

ОТ РЕДАКЦИИ

Разговор с В. Заманским состоялся два месяца назад. Сейчас А. Сокуров получил возможность доделать свой фильм «Скорбное бесчувствие». В эти дни идет монтаж картины, впереди — озвучивание, сдача картины художественному совету. Значит ли это, что все трудности режиссера позади?